

УДК 34

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS114952>

Социально-философские взгляды Л.Н. Толстого на институты права и государства

А.Д. Керимов

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Автор рассматривает и безусловно высоко оценивает представления Л.Н. Толстого о сущности, сохранении, организации и функционировании таких важнейших социокультурных, политических институтов, как право и государство. Он определенно высказывает в целом весьма позитивное отношение к соответствующим взглядам замечательного русского мыслителя.

В работе описываются специфические, неотъемлемые, т.е. обязательные в своем роде и при этом удивительные качества, имманентные свойства тех литераторов и ученых, которым удалось достичь превосходных, поистине потрясающих результатов в духовном постижении мира.

Обосновывается принципиальный вывод о том, что понимание Л.Н. Толстым указанных институтов (во всяком случае в той части, где речь идет об их критике) почти полностью совпадает с марксистской доктриной.

Ключевые слова: государственно-правовые воззрения; Л.Н. Толстой; творчество; нравственность; идеи; идеалы; капитализм; буржуазия; бытие; духовность.

Как цитировать:

Керимов А.Д. Социально-философские взгляды Л.Н. Толстого на институты права и государства // Российский журнал правовых исследований. 2022. Т. 9. № 4. С. 27–34. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS114952>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS114952>

Socio-Philosophical Views of L.N. Tolstoy on the Institutions of Law and the State

A.D. Kerimov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT: The author analyzes and undoubtedly appreciates the views of Leo Tolstoy concerning the essence, content, organization, and functioning of such relevant socio-cultural and political institutions as law and the state. He shows a positive attitude toward the corresponding views of a notable Russian thinker.

This article describes the specific, inalienable (in other words, obligatory in its kind and at the same time amazing) qualities and immanent properties of those writers and scientists who have succeeded in achieving excellent results in the spiritual comprehension of the world.

The fundamental conclusion is substantiated by the understanding of Leo Tolstoy of these institutions (at least in the part where it is a question of their criticism), which almost coincides with the Marxist doctrine.

Keywords: state-legal vies; Leo Tolstoy; creativity; morality; ideas; ideals; capitalism; bourgeoisie; beingness; spirituality.

To cite this article:

Kerimov AD. Socio-philosophical views of L.N. Tolstoy on the institutions of Law and the State. *Russian journal of legal studies*. 2022;9(4):27–34. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS114952>

Received: 20.10.2022

Accepted: 28.11.2022

Published: 30.12.2022

Прежде чем перейти к анализу соответствующих взглядов Льва Николаевича следует ответить на череду естественным образом возникающих однопорядковых и при этом весьма важных вопросов. Как объяснить то, что, несмотря на бросающуюся в глаза очевидную неоднозначность, небесспорность, а порою и непривычную парадоксальность, внутреннюю противоречивость опубликованных более века тому назад воззрений Л.Н. Толстого не только на право и государство, но и вообще на многие явления, события и процессы человеческого бытия, мы полагаем для себя возможным и даже необходимым вновь и вновь обращаться к его суждениям, изучать их, обдумывать и анализировать? Отчего по прошествии десятилетий мы ими живо интересуемся? Почему мы упорно и настойчиво, с невольным и благоговейным трепетом сверяем свои сокровенные мечты и намерения, чувствования и верования с сформулированными и отстаиваемыми им религиозно-нравственными постулатами?

Так происходит большей частью потому, что Лев Николаевич — великий писатель, а следовательно (и это особенно присуще отечественным литераторам), выдающийся мыслитель. В России одаренные сочинители художественных произведений — всегда и крупные философы. Таковы, помимо Л.Н. Толстого, А.С. Пушкин, Ю.М. Лермонтов, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, А.П. Чехов и сотни других всемирно признанных гениев, коими испокон веку столь богата наша Отчизна. Такие люди заслуженно становятся властителями дум и своих современников, и последующих поколений.

Кроме того, доподлинно известно, что повседневность, будни Льва Николаевича были невероятно насыщены интеллектуально. Подобная духовная наполненность неизменно выводила его за пределы удушающей своей серостью, плоскостью и пошлостью обыденности. Он являл собой личность неустанно напряженно рефлексирующую, тягостно сомневающуюся, постоянно находящуюся в нравственном поиске. Он, что достойно всяческого уважения, строил жизнь, прокладывая избранный им земной путь сообразно христианским идеалам, собственным метафизическим умозаключениям и сформировавшимся на их базисе этическим принципам.

Можно выделить минимум три ярко выраженные, отличительные черты, характеризующие творчество всех незаурядных, исключительно талантливых индивидов, в той или иной форме, литературной или научной, исследующих социальную действительность.

Во-первых, они неуклонно обнаруживают редкостную, завидную, доступную единицам способность возвышаться до философского уровня освоения общественного бытия. Они своей творческой деятельностью лишней раз подтверждают непреложную аксиому (понимаемую в ее первоначальном значении, т.е. как исходную, самоочевидную истину, не требующую доказательств): теоретизировать никогда не рано. Не рано в том плане, что скудность конкретного знания, дефицит практического опыта,

отсутствие должного количества эмпирики не могут служить безусловным оправданием отказа от построения абстрактно-теоретических схем и конструкций.

Сегодня студенты, даже школьники (если не считать самых юных) располагают колоссальным объемом сведений, знают о мироздании гораздо больше, чем, скажем, античные философы: Сократ, Платон, Аристотель и другие. Но в состоянии ли они достичь такого высочайшего уровня осмысления природной и социальной стихий, первооснов исследуемых феноменов и процессов? Ведь многознание само по себе не обеспечивает желаемого научного или художественного результата, оно, конечно же, не есть мудрость, не есть гениальность. Как утверждал Гераклит, «многознание уму не научает». Остается уповать на то, что некоторые из нынешних учащихся, лишь немногие, развив свой изначально имеющийся потенциал, в итоге превратятся в великих творцов. Люди с подобными задатками рождаются во все времена.

Во-вторых, уникально талантливые индивиды в ходе своих изысканий перманентно и энергично генерируют все новые и новые смелые, оригинальные, самобытные идеи. Идеи эти относятся как к минувшему, так и настоящему. Зачастую они касаются будущего. Тогда мы становимся свидетелями удивительных предвидений, пророческих откровений, с поражающей воображение точностью предвосхищающих грядущее.

Создать что-либо новое чрезвычайно сложно. Но в данном случае расхожая фраза «новое — это хорошо забытое старое» оказывается совсем нектати, поскольку выдающиеся мыслители поистине обнаруживают и предлагают человечеству нечто доселе неизвестное. Когда результаты их интеллектуальной деятельности, плоды их трудов находят практическое применение, природная, искусственная и социальная среда нашего обитания порою трансформируется до неузнаваемости, меняется облик мира. Если же их усилия и искательства, их созидания и вдохновения освящены высокими целями и благородными стремлениями, идеалами нравственности и гуманизма, мир совершенствуется, перевоплощается, делается чище и лучше.

В-третьих, в безудержном, бесконечно протеическом круговороте, пестром, причудливо изменчивом калейдоскопе событий, среди огромного множества текущих реалий, разнообразных фактов и перипетий повседневной, обыденной жизни, в океане достоверной и ложной, значимой и бесполезной, научной и псевдонаучной информации незаурядные творческие личности умеют выявить самую суть изучаемого объекта, предоставляя нам возможность насладиться наиболее полным и всесторонним пониманием его глубинной внутренней структуры и организации, его сущностным содержанием.

Сказанное выше всецело относится к Л.Н. Толстому. Однако обращение к литературному наследию знаменитого писателя обусловлено еще и другим обстоятельством: его воззрения на право и государство и по сей

день исключительно актуальны, что, надеемся, будет ясно из дальнейшего повествования.

Итак, попытаемся отвлечься на время от того мощного интеллектуального влияния, эмоционального воздействия, которое испытывает на себе каждый напряженно думающий человек, постигающий идеи Л.Н. Толстого, и проанализировать, насколько это возможно, его соответствующие взгляды максимально объективно и беспристрастно.

Одним из интереснейших эссе является статья Льва Николаевича «Письмо студенту о «праве». Приведем достаточно объемный, отличающиеся крайней жесткостью и при этом чрезвычайно важный для уяснения умонастроений, царивших в среде передовой части русской интеллигенции (заметим, и не только русской) во второй половине XIX — начале XX вв., отрывок из названной работы: «Если рассуждать не по „науке“, т.е. не по атрибутивно-императивным переживаниям¹, а по общему всем людям здравому смыслу определять то, что в действительности подразумевается под словом „право“, то ответ на вопрос о том, что такое право, будет очень простой и ясный: правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им — властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено. Право государственное есть право отбирать у людей произведения их труда, посылать их на убийства, называемые войнами, а для тех, у кого отбирают произведения их труда и которых посылают на войны, право пользоваться теми произведениями своего труда, которые еще не отобраны от них, и не итти (написание Л.Н. Толстого — *Примеч. авт.*) на войны до тех пор, пока их не посылают. Право гражданское есть право одних людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владение орудиями труда, и право тех, у кого нет земли и нет орудий труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды и голода, тем, которые владеют землей и капиталами. Уголовное право есть право одних людей ссылать, заточать, вешать всех тех людей, которых они считают нужным ссылать, заточать, вешать; для людей же ссылаемых, заточаемых и вешаемых есть право не быть изгнанными, заключенными, повешенными до тех пор, пока это тем, кто имеет возможность это делать, не покажется нужным. То же самое и по международному праву: это право Польши, Индии, Боснии и Герцеговины жить независимо от чужих властей, но только до тех пор, пока люди, распоряжающиеся большими количествами войска, не решат иначе. Так это ясно для всякого человека, думающего

не по атрибутивно-императивным переживаниям, а по общему всем людям здравому смыслу. Для такого человека ясно, что то, что скрывается под словом „право“, есть не что иное, как только самое грубое оправдание тех насилий, которые совершаются одними людьми над другими.

Но права эти определяются законами, говорят на это „ученые“. Законами? да, но законы-то эти придумываются теми самыми людьми, будь они императоры, короли, советники императоров и королей, или члены парламентов, которые живут насилиями и потому ограждают эти насилия устанавливаемыми ими законами. Они же, те же люди и приводят эти законы в исполнение, приводят же их в исполнение до тех пор, пока законы эти для них выгодны, когда же законы эти становятся невыгодны им, они придумывают новые, такие, какие им нужно.

Ведь все дело очень просто: есть насилующие и насилуемые, и насилующим хочется оправдать свое насилие. И вот свои распоряжения о том, как они в данном случае и в данное время намерены насиловать людей, они называют законами, разрешение же, которое они сами себе дают совершать свои насилия, и предписания насилуемым делать только то, что не запрещается им, называют правом» [1, с. 55–56].

Такова позиция Л.Н. Толстого. И следует подчеркнуть, что она вовсе небезосновательна.

Великий писатель, как и всегда, пожалуй, излишне радикален. Столь свойственные ему бескомпромиссность и нетерпимость, жесткость и беспощадность суждений удручающе часто в свое время вызвали решительные протесты и неприятие современников, крайне осложняя, мучительно обременяя его и без того нелегкую судьбу. Нередко эти черты и особенности натуры раздражают, к сожалению, и сегодня.

В этом отношении весьма показательны умозаключения отечественного профессора-юриста И.Ю. Козлихина, содержащиеся в статье с характерным названием «Лев Толстой как зеркало русского правосознания» [2]². Нельзя не признать, что некоторые из них вполне логичны и убедительны. В целом же точка зрения автора для нас неприемлема. И.Ю. Козлихин достаточно резко критикует Л.Н. Толстого, в чем, на наш взгляд, нет ничего предосудительного. Любое мнение может быть оспорено. Но критикуя писателя и при этом рассматривая его в качестве зеркала русского правосознания, что явствует из названия работы, он тем самым критикует и наше правосознание, в известном смысле отрицает его, отказывает ему в развитости, зрелости и обоснованности объективными реалиями общественного бытия. С такой позицией невозможно согласиться.

¹ Здесь Л.Н. Толстой, несколько не скрывая своего резко критического расположения, явно негативного настроения, использует выражение учено-юриста, социолога и философа, основоположника психологической школы права Л.И. Петражицкого, которое цитирует студент в своем обращении к писателю.

² В настоящем эссе мы не единожды ссылаемся на высказывания И.Ю. Козлихина, поскольку он, как ни прискорбно, отражает мнение немало сегмента российских интеллигенции и духовенства относительно убеждений Л.Н. Толстого.

В книге «Суеверие государства», составленной Л.Н. Толстым в 1910 г.³ и представляющей собой один из разделов его большого последнего предсмертного труда «Путь жизни» [3], Лев Николаевич сопоставляет государство и шайку разбойников. И.Ю. Козлихин с иронией, нескрываемым негодованием, безо всякого уважения отмечает, что «до Толстого, кажется, никому не приходило в голову при сравнении шайки разбойников и государства отдавать предпочтение шайке» [2, с. 9]⁴. Далее он цитирует соответствующий отрывок. Приведем его и мы. «Разбойники обирают преимущественно богатых, правительства же обирают преимущественно бедных, богатым же, помогающим им в их преступлениях, покровительствуют. Разбойники, делая свое дело, рискуют своей жизнью, правительства почти ничем не рискуют. Разбойники никого насильно не забирают в свою шайку, — правительства набирают своих солдат большей частью насильно. Разбойники делят добычу большей частью поровну, — правительства же распределяют добычу неравномерно: чем больше кто участвует в организованном обмане, тем больше он получает вознаграждения. Разбойники не развращают умышленно людей, — правительства же для достижения своих целей развращают целые поколения детей и взрослых ложными религиозными патриотическими учениями. Главное же, ни один самый жестокий разбойник Стенька Разин, никакой Картуш не может сравниться по жестокости, безжалостности и изощренности в истязаниях не только со знаменитыми своей жестокостью злодеями-государями: Иваном Грозным, Людовиком XI, Елизаветами и т.п., но даже с теперешними конституционными и либеральными правительствами с их казнями, одиночными тюрьмами, дисциплинарными батальонами, ссылками, усмирениями бунтов, избиениями на войнах» [3, с. 263].

Конечно, со времен Л.Н. Толстого общественно-политическая и экономическая жизнь всех стран и народов претерпела немалые изменения (во многом в том числе благодаря позитивному влиянию, мощному воздействию СССР и социалистического лагеря). Эволюционировали и государство, и право. Однако скрупулезное научное изучение их настоящего состояния неоспоримо свидетельствует о том, что, по своей глубинной сути, по своим основным чертам и субстанциональным характеристикам они остались прежними. Как и в XIX, в XXI в. государство,

согласно на сегодняшний момент самому ясному и емкому, с нашей точки зрения, его истолкованию, есть комитет, управляющий делами класса буржуазии [4, с. 27] (с той лишь разницей, что положение усугубилось и ныне этот комитет работает скорее на пользу не всей названной социальной группы, а исключительно ее верхнего слоя, т.е. реально властвующей на национальном и мировом уровне капиталистической элиты). «Государство, — настаивал В.И. Ленин, — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим» [5, с. 73]. Его слова, разумеется, актуальны и теперь.

Полагается, что истеблишмент при демократической форме правления и соответствующем политическом режиме должен действовать и действует в интересах большинства. Но дело обстоит таким образом, мягко говоря, далеко не всегда. Так происходит только при условии, если забота о всеобщем благополучии и благосостоянии входит в систему аксиологических ориентиров, ценностных установок руководящей социумом привилегированной верхушки или если ее устремления и потребности на данном этапе развития страны не идут вразрез, не расходятся с народными, а совпадают с ними. В противном случае пришедшее к власти демократическим путем меньшинство, особенно когда оно представлено людьми безнравственными, малокультурными, посредственными, непомерно меркантильными, уверовавшими, что они вправе, по выражению необычайно талантливого и проницательного Х. Ортега-и-Гассета, «давать ход и силу закона своим трактирным фантазиям» [6, с. 11], гораздо чаще (точнее, постоянно, при отсутствии признаков складывающейся революционной ситуации, угрозы назревающего социального взрыва, чреватого переделом собственности), в сто крат охотнее и с неистовым рвением, неподдельным, ни на минуту не иссякающим энтузиазмом действует сугубо в своекорыстных, эгоистических интересах. Заметим, что подобное сегодня и имеет место во всех без исключения странах Североатлантического альянса, не говоря уже о киевском режиме. Без сомнения, утверждение активного участника Французской буржуазной революции конца XVIII в. О.Г.Р. де Мирабо, что правительство существует не для выгоды и удобства тех, кто правит, и по сей день остается всего лишь благим, но очевидно утопическим пожеланием.

Аналогичным образом, как и в позапрошлом столетии, право в нашу пору согласно, пожалуй, наиболее четкой и универсальной его дефиниции де-факто представляет собой возведенную в закон волю господствующего капиталистического класса, волю, содержание которой определяется материальными условиями жизни данной страны [4, с. 42].

И это совершенно понятно и вполне объяснимо. Ведь речь идет именно о буржуазном государстве и буржуазном праве. А сущность, имманентная природа, естество капитализма с начала его зарождения и до наших дней практически не изменилась, что без особых усилий обнаружит

³ Эта книга была опубликована спустя семь лет в 1917 г. Издатель И.И. Горбунов-Посадов поясняет, что она «по цензурным условиям не могла появиться при старом порядке в России» (<http://www.klassika.ru/read.html?proza/tolstoj/gosudarstvo.txt>). Он также обращает внимание на то существенное обстоятельство, что часть мыслей из данного произведения подписана именами других ученых и писателей. Однако все эти мысли не только выбраны Львом Николаевичем из тех, которые особенно верно и глубоко выражают его собственные взгляды на государство, но и подверглись такой сильной обработке и редакции, что могут считаться почти как бы его собственными идеями по вопросу, имеющему столь важное значение в жизни человечества. (См. там же.)

⁴ Странно, у нас, напротив, сложилось впечатление, что подобное предпочтение приходило и поныне приходит в голову огромному количеству граждан в самых разных странах и уголках планеты.

даже неискушенный читатель, обратившись, например, к базовым постулатам цитируемого выше всемирно известного великого произведения «Манифест коммунистической партии», впервые изданного еще в далеком 1848 г. (как, впрочем, и многих других работ основоположников и приверженцев марксизма того исторического периода). «Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество, — пишут К. Маркс и Ф. Энгельс, — не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых» [4, с. 26]. «Наша эпоха, — продолжают авторы, — эпоха буржуазная, отличается, однако тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат» [4, с. 26]. Если под пролетариатом подразумевать всех лиц наемного труда («Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она (буржуазия — *Примеч. авт.*) превратила в своих платных наемных работников» [4, с. 28]), то, по сути, со времени возникновения марксизма и до настоящего момента действительно ничего кардинальным, сущностным образом не изменилось.

Можно привести множество обоснованных, подкрепленных конкретно-историческими фактами суждений, убедительно, неопровержимо доказывающих: капитализм в самой что ни на есть циничной и вместе с тем заведомо безнравственной, завуалировано лицемерной форме противопоставляющий богатых и бедных, — это строй эксплуататорский, грабительский, поработавший и угнетающий, всемерно подчиняющий себе как отдельных людей, так и целые народы экономически, политически и духовно, разлагающий их морально. К чему, вне всякого сомнения, причастны и в чем в первую очередь виновны буржуазное государство и право. Посему сравнение Л.Н. Толстым государства с шайкой разбойников и предпочтение в этом сопоставлении последней в определенной степени оправдано. Иначе говоря, если мысленно отвлечься от деталей и частных случаев, а оперировать исключительно общими и значимыми категориями, когда реальность неизбежно проступает крупными и сильными мазками, вырисовывается четче и ярче, мы вынуждены будем признать, что великий русский писатель, по существу, прав.

Весьма любопытно, а в чем, собственно, И.Ю. Козлихин, процитировав данный пассаж из книги Льва Николаевича, узрел его неправоту? Ведь все, что он изложил, соответствует действительности и, более того, актуально и поныне. Разве что во многих странах сегодня нет воинского призыва и на военную службу набирают по контракту. Удивительно, неужели И.Ю. Козлихин не осведомлен о том, что немалая часть национальных властвующих элит как прошлого, так и современности нередко представляли и представляют собой откровенно преступные синдикаты? Неужели он не знает, что правительства порою

обходятся с обычными гражданами с большей жестокостью, цинизмом и варварством, нежели разбойники со своими жертвами? Разве не таким образом поступает, например, нынешний киевский режим.

В аннотации к своей статье И.Ю. Козлихин отмечает, что в ней «анализируются взгляды Л.Н. Толстого на государство и право как проявление анархизма и правового нигилизма, явлений, свойственных российскому сознанию, но доведенных до предельных значений» [2, с. 5]. В действительности же русскому менталитету не столь свойственны указанные феномены, уж во всяком случае отнюдь не больше, чем, скажем, итальянскому, испанскому или французскому.

Что же касается Л.Н. Толстого, то для него в самом деле характерна намеренная, даже нарочитая демонстрация анархизма, правового нигилизма, совершенно искреннего критически-недоверчивого отношения к названным институтам. Его работам, в которых рассматриваются политические, государственно-правовые вопросы, вообще присуще подчеркнутое преувеличение, очевидная гиперболизация. Однако тексты, вышедшие из-под пера Льва Николаевича, разумеется, нельзя воспринимать буквально, в прямом смысле, сугубо односторонне, формально-догматически. Будучи блестящим интеллектуалом, признанным мастером слова, он почти в каждом из произведений прибегал к гиперболизации, к целенаправленному, предумышленному утрированию и в результате добивался образности, выразительности и яркости необычайной, а главное — в полной мере раскрывал сокровенное внутреннее содержание, потаенную сущность объекта своих творческих изысканий.

Его мысли не следует вульгарно примитивизировать, грубо упрощать и тем самым непростительно обеднять. Надо четко осознавать (а это далеко не всегда получалось и получается у многочисленных гораздо менее талантливых, но неизменно суровых и ярых порицателей, грозных обличителей идей замечательного русского писателя): Л.Н. Толстой, конечно же, отдавал себе отчет в том, что существуют справедливые, покоящиеся на высшем нравственном законе правовые нормы. Он прекрасно и уж точно не хуже других понимал, что государством формулируется, принимается и обеспечивается его принудительной силой немало разумных и ценных для лучшего жизнеустройства общеобязательных установлений и оно, государство, на определенном этапе развития цивилизации безусловно необходимо для организации общественной жизнедеятельности. Задача Льва Николаевича, однако, состояла вовсе не в том, чтобы шокировать, смутить или впечатлить читателей (такого рода никчемные затеи в принципе не интересовали этого мудрого человека, тем более в том преклонном возрасте, в каком он писал приводимый ответ студенту), а в том, чтобы безбоязненно оголить проблему, сорвать с нее таинственные и ненужные покровы и проникнуть, таким образом, в самую ее суть. И ему это несомненно удалось.

Невозможно не заметить, что Л.Н. Толстой открыто и твердо, решительно и однозначно придерживается фактически марксистского понимания буржуазного права и государства, по крайней мере тогда, когда подвергает эти институты острой, сокрушительной, но бесспорно объективной, обоснованной критике.

Обратимся теперь к краткому, но потрясающе емкому утверждению Л.Н. Толстого, которое он высказал в конце ноября 1904 г., накануне Первой русской революции, отреагировав на просьбу редакции американской газеты «The North American» объяснить значение, цель и вероятные последствия земской агитации. «Цель агитации земства, — пишет Л.Н. Толстой, — ограничение деспотизма и установление представительного правительства. Вероятные последствия не могут быть предвидены. Достигнут ли вожаки агитации своих целей, или будут только продолжать мутить общество, — в обоих случаях верный результат всего этого дела будет отсрочка истинного социального улучшения. Истинное социальное улучшение может быть достигнуто только религиозным, нравственным совершенствованием всех отдельных личностей. Политическая же агитация, ставя перед отдельными личностями губительную иллюзию социального улучшения посредством изменения внешних форм, обыкновенно останавливает истинный прогресс, — что можно заметить во всех конституционных государствах — Франции, Англии, Америке» [7, с. 181–182]⁵. Здесь Лев Николаевич до известной степени демонстрирует неприятие марксистской идеологии.

Как и всегда, при осмыслении его суждений неизбежно возникает очень непростой вопрос: прав ли в данном случае великий писатель? Попытаемся на него откликнуться.

Пожалуй, любые, самые разумные, строго научно-аргументированные, подкрепленные глубоким анализом исторического опыта и сложившейся практики реформы в политико-правовой сфере, по своей реальной сути, есть все же преобразования, отмеченные односторонним увлечением сугубо внешней стороной дела. Какие бы то ни было новшества, направленные на модернизацию, повышение качества и эффективности государственного правления и соответствующих структур, приемов, способов и методов властвования, текущего законодательства, включающего все подзаконные нормативные акты, и т. п., несут на себе отпечаток

формализма, неизменно выдают излишнюю озабоченность формой в ущерб внутреннему содержанию. Они тем самым извечно обнаруживают (и будут впредь) свою второстепенную, вспомогательную роль в процессе устройства человеческого бытия. Они сами по себе, автоматически, без энергичного участия рефлексирующего, целеполагающего и действующего субъекта, призванного облагораживать, возвышать, наполнять трансцендентным смыслом и значением, словом, одухотворять всякое нововведение, не ведут к субстанциальным изменениям основ народной жизни. Авторитетный, отличающийся непредвзятостью и независимостью воззрений политик и ученый С.Н. Бабурин видит опору государственного строительства «в религиозно-нравственном просветлении духа» [9, с. 528].

Никакие усовершенствования государственных, правовых и прочих институтов не повлекут за собой желаемых результатов, если только они не зиждутся на прочном нравственном фундаменте. Любые улучшения политической системы будут с течением времени сведены на нет, вульгаризированы и опошлены, если они не подкреплены твердой убежденностью людей в их нужности, полезности и легитимности, не согласуются с их издавна укорененным личностным представлением о должной организации и должном функционировании этой системы. Как абсолютно точно свидетельствует известный философ, политолог А.С. Панарин, «ни учреждения, ни материальные ресурсы не являются действенными, если они не сбрызнуты живой водой человеческой веры и энтузиазма» [10, с. 12]. Ни одна вновь создаваемая конструкция, претендующая на решительное уничтожение изъянов существующих государственных форм, конституционного механизма той или иной страны, не станет надежной, устойчивой и долговечной, если она не базируется на уходящей в глубь веков духовной культуре населяющих ее этносов, культуре, которая, «в современном обществе воспроизводит функции церкви: ей дано освящать и отлучать, возвеличивать и дискредитировать, поощрять и осуждать» [10, с. 12]. Тысячелетиями формировавшаяся духовная культура всегда главенствует над любыми сущими моделями политического и правового устройства, над любыми наличествующими институтами и структурами публичной власти, в конечном счете предопределяя их экзистенциальную целесообразность, их содержание, наполняя их подлинным смыслом, вдыхая в них жизнь.

Иными словами, говоря предельно обобщенно и кратко, первостепенная роль, наибольшее значение в справедливом жизнеустройении, в обеспечении истинного социального прогресса бесспорно принадлежит (наряду с созиданием необходимой, отвечающей вызовам переживаемого исторического периода материальной базы) духовно-нравственному и интеллектуальному совершенствованию и самосовершенствованию как каждой отдельно взятой личности, так и всей их

⁵ Видный отечественный ученый-юрист П.И. Новгородцев в монографии «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» детально, скрупулезно оценил ответ Л.Н. Толстого американской газете. Внимательное прочтение соответствующих фрагментов этого классического труда, конечно, утверждает читателей в мысли, что его автор, при всей явной критичности своего отношения к приведенному мнению выдающегося писателя, не отвергает его полностью, а частично даже принимает его, хотя и с серьезными оговорками и, разумеется, не позволяет себе дерзкие, слишком резкие и по сему очевидно опростетчивые высказывания о взглядах Л.Н. Толстого [8, с. 13, 20].

совокупной целостности. В этом отношении Л.Н. Толстой, если отбросить частности, отринуть его, как видно, чрезмерный правовой скептицизм и нигилизм, пренебречь излишней безапелляционностью, категоричностью

и радикальностью суждений, сущностно, безусловно, прав, а его воззрения несомненно заслуживают тщательнейшего, незамутненного априорными догмами анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Л.Н. Письмо студенту о «праве». Полн. собр. соч. Т. 38. Серия первая. Произведения. М.: Государственное изд-во «Художественная литература», 1936. 616 с.
2. Козлихин И.Ю. Лев Толстой как зеркало русского правосознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Серия 14. Выпуск 4, 2014. С. 5–14.
3. Толстой Л.Н. Путь жизни. 1910. Полн. собр. соч. Т. 45. Серия первая. Произведения. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1956. 601 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Издательство политической литературы, 1970.
5. Ленин В.И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. Полн. собр. соч. Т. 39. Издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1970.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Пер. с исп. А. Гелескула. М.: Издательство АСТ, 2020. 253 с.
7. Толстой Л.Н. В редакцию газеты «The North American». Полн. собр. соч. Т. 75. Серия третья. Письма. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1956.
8. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 269 с.
9. Бабурин С.Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма. Предисл. И.М. Рагимова. М.: Норма, 2020. 536 с.
10. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 270 с.

REFERENCES

1. Tolstoj LN. Pis'mo studentu o «prave». Poln. sobr. soch. T. 38. Seriya pervaya. Proizvedeniya. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo «Hudozhestvennaya literatura», 1936. 616 p. (In Russ.).
2. Kozlihina IYU. Lev Tolstoj kak zerkalo russkogo pravosoznaniya. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. Seriya 14.* 2014;(4):5–14. (In Russ.).
3. Tolstoj LN. Put' zhizni. 1910. Poln. sobr. soch. T. 45. Seriya pervaya. Proizvedeniya. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1956. 601 p. (In Russ.).
4. Marks K, Engel's F. Manifest Kommunisticheskoy partii. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970. (In Russ.).
5. Lenin VI. O gosudarstve. Lekciya v Sverdlovskom universitete 11 iyulya 1919 g. Poln. sobr. soch. T. 39. Izdanie pyatoe. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970. (In Russ.).
6. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass. Per. s isp. A. Geleskula. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2020. 253 p. (In Russ.).
7. Tolstoj LN. V redakciyu gazety «The North American». Poln. sobr. soch. T. 75. Seriya tret'ya. Pis'ma. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1956. (In Russ.).
8. Novgorodcev PI. Vvedenie v filosofiyu prava. Krisis sovremennogo pravosoznaniya. Moscow: Nauka, 1996. 269 p. (In Russ.).
9. Baburin SN. Nravstvennoe gosudarstvo: russkij vzglyad na cennosti konstitucionalizma. Predisl. I.M. Ragimova. Moscow: Norma, 2020. 536 p. (In Russ.).
10. Panarin AS. Global'noe politicheskoe prognozirovaniye v usloviyah strategicheskoy nestabil'nosti. Moscow: Editorial URSS, 1999. 270 p. (In Russ.).

ОБ АВТОРЕ

Александр Джангирович Керимов, доктор юридических наук, профессор; Author ID: 127406; e-mail: 8017498@mail.ru

AUTHOR INFORMATION

Alexander D. Kerimov; doctor of law, professor; Author ID: 127406; e-mail: 8017498@mail.ru